

МРНТИ 03.20.00

**«НЕЗДОРОВЫЕ И АНТИСОВЕТСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ»:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ, ПРОТЕСТНЫЕ ГРУППЫ И ОРГАНИЗАЦИИ
В 1940-1950-Е ГГ. В КАЗАХСТАНЕ В ДОКУМЕНТАХ СПЕЦОРГАНА**

Кыдыралина Жанна Уркинбаевна^{1*}

¹Директор Института Ассамблеи народа Казахстана Атырауского университета им. Х. Досмухамедова, доктор исторических наук, профессор, E-mail: kydralina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-5781>

*Автор-корреспондент

Аннотация. Статья посвящена освещению протестных настроений и гражданской активности среди не довольной политикой власти немалой части населения советской страны в 1940-1950-е гг. Документы органов госбезопасности данного периода, представлявшие государственно-партийному руководству, содержат анализ внутривластной обстановки и общественных настроений, а также свидетельствуют о тотальности контроля системы и ее охранительного аппарата за поведением и деятельностью людей. Любые проявления общественного инакомыслия и политически ориентированных форм протестных движений в Казахстане в советский период, участники которых отстаивали идеи национальной и духовной свободы, независимости государства, сохранения национальной идентичности, языка, традиций, самобытности культуры и т.д., обозначались в документах спецорганов как «нездоровые, антисоветские, контрреволюционные, националистические» проявления, группы и организации. Изучение архивных документов рассматриваемого периода об общественных настроениях, оппозиционных высказываниях свидетельствует о нарастании противоречий во взаимоотношениях народа и власти, выявляет масштабность и силу внутреннего неприятия рядовых граждан к несправедливым распоряжениям власти.

Ключевые слова: антисоветские проявления, общественные настроения, протестные группы и организации, инакомыслие, оппозиционные умонастроения.

ХҒТАР 03.20.00

**«АНТИКЕҢЕСТІК КӨРІНІСТЕР»:
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1940-1950 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚОҒАМДЫҚ КӨҢІЛ-КҮЙІ,
НАРАЗЫЛЫҚ ТОПТАР МЕН ҰЙЫМДАРЫ АРНАЙЫ ОРҒАН ҚҰЖАТТАРЫНДА**

Кыдыралина Жанна Үркінбайқызы^{1*}

¹Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті Қазақстан халқы Ассамблеясы Институтының директоры, тарих ғылымдарының докторы, профессор; e-mail: kydralina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-5781>

*Автор-корреспондент

Аңдатпа. Мақала 1940-1950 жылдардағы кеңес биліктің саясатына наразы болған халықтың едәуір бөлігінің наразылық көңіл-күйі мен азаматтық белсенділігін көрсетуге арналған. Осы кезеңдегі мемлекеттік қауіпсіздік органдарының мемлекет-партиялық басшылыққа ұсынылған құжаттары ішкі саяси жағдай мен қоғамдық көңіл-күйдің талдауын қамтиды, сондай-ақ жүйе мен оның қауіпсіздік аппаратының адамдардың мінез-құлқы мен қызметіне толық бақылау жүргізетінін айқындайды. Жеке тұлғалардың, ұйымдасқан азаматтық белсенділердің ұлттық-рухани бостандық, мемлекеттік тәуелсіздік, ұлттық бірегейлікті, тілді, салт-дәстүрді, мәдени бірегейлікті сақтау туралы ұсыныстары мен әрекеттері арнайы органдардың құжаттарында «сау емес, антисоветтік, контрреволюциялық, ұлтшыл» көріністер, топтар мен ұйымдар сипатында бағаланды. Бұл кезеңдегі зерттелген қоғамдық көңіл-күй, оппозициялық мәлімдемелер туралы мұрағат құжаттары халық пен билік арасындағы қарым-қатынастардағы қайшылықтардың күшеюін айғақтайды, билік уәделеріне, әділетсіз бұйрықтар

мен жалған шешімдерге қарапайым азаматтардың іштей бас тартуының ауқымы мен күшін көрсетеді.

Түйін сөздер: антисоветтік көріністер, қоғамдық көңіл-күй, наразылық топтары мен ұйымдары, келіспеушіліктер, оппозициялық ой-пікірлер.

RSTI 03.20.00

**"UNHEALTHY AND ANTI-SOVIET MANIFESTATIONS":
PUBLIC MOODS, PROTEST GROUPS AND ORGANIZATIONS IN THE 1940-1950s.
IN KAZAKHSTAN IN THE DOCUMENTS OF THE SPECIAL SERVICE**

Kydyralina Zhanna Urkinbaevna^{1*}

¹Director of the Institute of Assembly of people of Kazakhstan Atyrau university named after Kh. Dosmuhamedov, doctor of historical sciences, professor; e-mail: kydyralina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-5781>

*Corresponding author

Abstract. The article is devoted to the coverage of protest moods and civic activity among a considerable part of the population of the Soviet country dissatisfied with the policy of the authorities in the 1940-s-1950-s. The documents of the state security organs of this period, presented to the state-party leadership, contain an analysis of the domestic political situation and public sentiment, and also testify to the total control of the system and its security apparatus over the behavior and activities of people. Any manifestations of public dissent and politically oriented forms of protest movements in Kazakhstan during the Soviet period, whose participants defended the ideas of national and spiritual freedom, state independence, preservation of national identity, language, traditions, cultural identity, etc., were designated in the documents of special agencies as “unhealthy, anti-Soviet, counter-revolutionary, nationalist” manifestations, groups and organizations. The study of archival documents of the period under review on public sentiments, oppositional statements testifies to the growing contradictions in the relationship between the people and the authorities, reveals the magnitude and strength of the internal rejection of ordinary citizens to unnatural, unfair orders and false promises of power.

Key words: anti-soviet manifestations, public sentiment, protest groups and organizations, dissent, opposition mindsets.

Введение. Исследование проблематики политических репрессий и феномена общественного инакомыслия в СССР является одним из актуальных и активно разрабатываемых направлений в отечественной и зарубежной историографии. Введение в научный оборот исследователями за последние десятилетия ранее недоступных архивных источников спецорганов о массовых политических репрессиях в советском государстве, в частности, информационных обзоров и сводок о настроениях населения, подготовленных секретно-политическим, контрразведывательным, военным, информационным и другими отделами органов государственной безопасности, позволяет говорить о таком феномене истории советского общества, как наличие протестных настроений среди не довольной политикой власти немалой части населения страны. Любые проявления общественного инакомыслия и политически ориентированных форм протестных движений в Казахстане в советский период, участники которых отстаивали идеи национальной и духовной свободы, независимости государства, сохранения национальной идентичности, языка, традиций, самобытности культуры и т.д. обозначалось в документах спецслужб как антисоветские, контрреволюционные, националистические проявления, группы и организации. В качестве показательных примеров тотальности контроля за поведением и деятельностью людей можно привести, в частности, и документы органов госбезопасности за 1940-1950-е гг., представлявшие государственно-партийному руководству, в которых содержится анализ внутрисоветской обстановки и общественных настроений.

Изучение предметного поля данного явления особенно актуализировалось в постсоветский период: оно приобрело широкий размах и происходило как путем освоения мирового опыта

концептуального осмысления феноменов общественного мнения и гражданского участия зарубежными философами, социологами, политологами, так и путем адаптации этих подходов и применения междисциплинарных связей для нужд исторических исследований и интеллектуальной истории.

Если обратиться к зарубежной исследовательской практике, то среди вышедших на Западе крупных классических работ «первопроходцев», аналитиков в изучении общественного мнения следует назвать труды французского философа и психолога конца XIX – начала XX вв. Жана-Габриэля Тарда, а также ученых XX в.: американского профессора Хайворда Чайлдса, немецкого социолога и политолога Элизабет Ноэль-Нойман, которая открыла оригинальную теорию общественного мнения с так называемой «спиралью молчания». Имеется многих других интересных работ об общественном инакомыслии в советском социуме, написанных в том числе самими участниками диссидентского движения, в частности, Д. Риорданом, Б. Кагарлицким, А. Амальриком и др. Наиболее полный системный историко-социологический анализ взаимодействия власти и общества, общественных взглядов и настроений, гражданского участия, истории инакомыслия и протестного движения в СССР представлен в работах российских авторов, как Е. Зубкова, Ю. Аксютин, Л. Алексеева, С. Давыдов, Ю. Лукин и др.

В отечественной историографии весомый вклад в разработку истории политических репрессий советского периода, взаимоотношений власти и общества внесли труды М. Козыбаева, К. Нурпеиса, М. Койгелдиева, Т. Омарбекова и многих других казахстанских историков. Автор настоящей статьи также длительное время изучает историю политических репрессий и судеб национальной интеллигенции XX века, общественного инакомыслия, индивидуальных и групповых форм политической протестности среди интеллигенции и молодежи в Казахстане в советский период: будучи сотрудником НИИ КНБ РК, с 2004 года, она впервые ввела в научный оборот массивы документов центральных и региональных архивов, в том числе спецорганов, по данным темам, которым посвящены отдельные разделы в ее монографиях и научные статьи в отечественных (на русском и казахском языках) и зарубежных изданиях.

Методология исследования. Методологическую основу определили новые познавательные возможности, оформившиеся в рамках социальной истории как одного из ведущих направлений в современной исторической науке. «Новая социальная история» предполагает синтез историко-социологического, структурного и социокультурного подходов, такая методология наиболее полно отражает реалии и сущность исторических процессов и явлений, позволяет анализировать их комплексно и системно. Вышеуказанные подходы позволяют рассматривать общество как социальную структуру, место и роль отдельных социальных групп и слоев, а также механизмы социальной организации и институционализации. Вместе с тем общество в разные исторические периоды – это не только структура и социальный институт, но и социальный организм, состояние которого можно идентифицировать по характерному набору ценностных ориентаций и норм поведения людей, их представлениям и практикам, эмоциональным реакциям и оценочным суждениям.

При изучении темы использованы, как общенаучные и формально-логические методы исследования: исторический, логического и системного анализа, описание, сравнение, синтез, индукция, дедукция, обобщение, так и методы исторических исследований: сравнительно-исторический, ретроспективный, историко-системный, исторической периодизации. При проведении исследования автор руководствовалась принципами исторической науки: научности, объективности и историзма, которые предусматривают изучение любого явления и исторического события в конкретных исторических условиях и связях.

В качестве предмета данного исследования выступают общественные настроения, отражающие отношение общества в целом и его отдельных слоев и групп к политике властей (политическим и идеологическим кампаниям, внешнеполитическим акциям, способам решения текущих проблем послевоенной жизни и т.д.). Это были общественные настроения, выраженные официально, публично, как в письменном виде (письма во власть, воззвания, листовки, анонимки), так и устной форме слухов, домыслов и частных высказываний. Общественные настроения, выраженные в форме оценочных суждений, выступают как общественное мнение.

В современной научной литературе по вопросу о содержании понятия общественных мнений и настроений в самом широком значении существует множество определений. Пожалуй, одними из наиболее точных и полных из них являются толкования, данные российским историком, автором ряда работ по данной проблеме Е.Ю. Зубковой, которая определяет общественные настроения как «сложный комплекс коллективных чувств, эмоций и суждений, отражающих текущие и перспективные ожидания, требования и претензии людей, а также представления о возможности их реализации в конкретной исторической ситуации. Общественные мнения - составляющая часть общественных настроений, поскольку они могут быть представлены только в форме осознанных оценочных суждений, в то время как общественные настроения включают в себя как логические, так и чувственные, неосмысленные формы отражения действительности» (Зубкова, 1999: 5).

Предметом данного исследования являются также организованные формы общественного протеста: группы, организации среди казахской интеллигенции и молодежи, выражавшие несогласие с теми или иными канонами политики власти в обозначенный хронологический период. В современной науке под протестом в самом широком значении понимается решительное возражение против чего-либо, заявление о несогласии с чем-либо.

Обсуждение. 1940-1950-е гг. были переломными периодами в развитии общественных настроений в советском социуме и формировании комплекса надежд на лучшее в будущем. Так, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. оказала большое влияние на сознание советских людей. Сам характер войны, преподносимой всеми инструментами официальной идеологии, направленной на мобилизацию патриотического духа, как отечественной, освободительной, способствовал единению власти и народа. Несмотря на все тяготы форсированной индустриализации и коллективизации, а также массовые репрессии, проводившиеся под лозунгами борьбы с «врагами социализма», население страны в основной своей массе было преисполнено патриотических чувств, сохраняло веру в социалистические идеалы и лозунги, доверие к руководству страны.

Вместе с тем накопленный в 20-30-е гг. негатив (насиленственная коллективизация, уничтожение национальной интеллигенции, борьба с религией, с традиционным укладом, обычаями, нарушение элементарных основ демократии, пренебрежение конституционными правами народов СССР) проявился с особой силой в годы войны. Внутреннюю обстановку в республике в связи с войной наглядно характеризует докладная записка об антисоветских проявлениях Наркома внутренних дел КССР, старшего майора госбезопасности Бабкина секретарю ЦК КП(б) Казахстана Сковрцову № 0990 от 3 октября 1941 г. (СГА КНБ РК, 1: 226-236). В записке анализируется «контрреволюционная работа враждебных элементов», состоявшая в «проведении пораженческой агитации, распространении провокационных измышлений и попыток к сколачиванию антисоветских повстанческих групп».

В архивном источнике отмечается, что «повсеместному нарастанию контрреволюционной активности и реальной базой для различных антисоветских формирований способствовали и служили репрессированные слои населения – высланное кулачество и депортированные из пограничных районов СССР народы общей численностью до миллиона человек (кулаки – 300 тыс. чел., немцы – 60 тыс. чел, дополнительно прибывает 440 тыс. чел., поляки – 100 тыс. чел., корейцы – 58 тыс. чел. и др.).

В Казахстане было учтено 259 человек кадров троцкистов и правых, из которых 180 человек судились за антисоветскую работу и отбывали ссылку. В записке отмечается, что они в узких кругах своих связей активно обсуждали все основные вопросы внутренней и внешней политики СССР, делали свои антисоветские выводы и утверждали, что ЦК ВКП(б) и советское правительство проводит «гибельную политику, вызывающую недовольство крестьянства и рабочего класса и что это приведет страну к полному экономическому и политическому упадку».

В документе констатируется активизация антисоветской части русского казачества в Гурьевской, Западно-Казахстанской, Акмолинской, Северо-Казахстанской, Алма-Атинской областях и принимавшая формы «повстанческой агитационной и конкретной работы по сколачиванию антисоветских групп для организованного выступления против советской власти».

В Казахстан с территории западных областей Украины и Белоруссии было переселено свыше 100 тыс. поляков – членов семей и родственников репрессированных органами НКВД чиновников полиции, видных работников бывшего польского правительства, помещиков. В докладной записке отмечена контрреволюционная деятельность отдельных групп спецпереселенцев-поляков, заключающаяся во «вредительстве, диверсиях на предприятиях и в сельском хозяйстве и подготовке к террористическим актам в отношении местных партийных и советских работников, установлении связей с контрреволюционными националистическими организациями на территории бывшей Польши, организации побегов с мест ссылки».

В докладной записке Наркома внутренних дел Бабкина не оставлен без внимания «казахский национализм»: «Особенную активность проявляют казахские националисты, бывшие алашордынцы, распространяя антисоветские измышления о международной политике советского правительства. Националистические элементы из числа интеллигенции пытаются обосновать свои пораженческие настроения тем, то «казахи никогда не имели возможности управлять своей страной, а потому и не могут положительно относиться к международной и внутренней политике СССР» (Кыдыралина, 2008: 134-135).

В документе указывалось поведение пассивного сопротивления и саботажа всех мероприятий, направленных на укрепление обороны страны, характерное для основных кадров казахских националистов. Подчеркивалось также, что байские элементы увязывают антисоветскую агитацию среди широких масс аула с надеждами на восстановление частнособственнической системы хозяйства, усиливают разложенческую работу в колхозах, выступая с призывом не выходить на работу, растаскивать колхозное имущество и забивать скот. В источнике отмечалось заметное оживление среди «бандповстанческого элемента», не репрессированная часть которого, проживая в отдаленных районах республики, «пытается объединить в повстанческих целях уклоняющихся от призыва в РККА дезертиров. Среди колхозников велась активная антисоветская агитация и всемерно дискредитировалась колхозная система хозяйства».

В записке констатировалось, что в Актюбинской области арестовано 8 бывших баев, алашординцев, ранее привлекавшихся к ответственности за антисоветскую работу: Шектыбаев, Алдабергенев, Такуев, Ермагамбетов и др. На следствии арестованные показали, что националистическая группа проводила активную панисламистскую пропаганду и подготовку кадров к вооруженному восстанию против советской власти. Следствием по аналогичным делам в Гурьевской, Кызыл-Ординской и Карагандинской областях было установлено, что «арестованные муллы, после начала войны, вели среди населения активную пораженческую агитацию, установили связи с крупными авторитетами мусульманского духовенства и принимали меры к созыву съезда для обсуждения вопросов антисоветской работы. Неустойчивая часть молодежи открыто выражает сомнение в успешном исходе войны, а в отдельных случаях ведет антисоветские и провокационные разговоры, распространяя среди студентов неверие в силы Красной Армии» (СГА КНБ РК, 3: 239).

Отмечалось также, что «враждебный элемент из числа студентов – дети репрессированных кулаков и врагов народа используют неустойчивую молодежь в антисоветских целях. Из этой среды комплектуются организованные антисоветские группы с наличием программ и уставов. Во всех молодежных антисоветских формированиях, вскрытых в Казахстане, вместе с молодежью, вышедшей из социально чуждой среды, активное участие во вражеской работе принимали отдельные комсомольцы и члены ВКП(б)». За время войны спецорганами был вскрыт и ликвидирован ряд молодежных «антисоветских организаций».

В период войны продолжали осуществляться политические репрессии по национальному мотиву. С июня 1941 по июнь 1945 гг. было арестовано свыше 300 человек по признакам «казахского национализма».

Необходимо отметить настороженное отношение руководства спецорганов к «нездоровым проявлениям» в молодежной среде. В документах отмечалась наблюдавшаяся с 1940 г. и началом Великой Отечественной войны активизация «националистического подполья». В декабре 1941 г. в Западно-Казахстанской области была раскрыта созданная в 1940 г. подпольная молодежная «националистическая» организация, именовавшая себя «Союз защитников казахского народа» (СЗКН). Арестованы 14 человек. Руководитель организации – Анесов Губайдулла, через два года следствия был расстрелян в 1942 г. Членами организации

были Бажекенов Ельдес, Молдағалиев Сейткали, Ахметов, Нуралин, Насыров и др., ряд из которых получил длительные сроки наказания в 25 лет. Участники организации создали подпольную типографию, отпечатали большое количество членских билетов. Основные задачи и обязанности участников организации были отпечатаны на внутренней стороне членских билетов:

- «1) создание независимого казахского государства, защищать язык, культуру от угнетателей русских;
- 2) каждый член союза должен с железной дисциплиной и в точности выполнять ту обязанность, которая на него возложена;
- 3) каждому члену вербовать новых;
- 4) требовать полного освобождения казахского народа» (СГА КНБ РК, 1: 228).

В ряде документов спецоргана упоминается также арестованная в 1941 г. в Гурьевской области группа бывших студентов рыбного техникума: Серебряков, кандидат в члены КП(б)К, Хохлов, Лепехин, Земляков и Борисов. Антисоветская организация называла себя «Партией передовых рабочих, крестьян и интеллигенции», имела устав и программу с задачей «свержения советской власти и создания народного правительства». Для поддержания связи с периферийными группами был выработан шифр. Кроме того изыскивались средства для приобретения оборудования для печатания антисоветских листовок и литературы. Как указано в документе, следствием было установлено еще 5 участников группы, выбывших в РККА, к задержанию которых принимались необходимые меры.

В Актюбинской области были арестованы Горюнов, Балан, Булатов, Шкуратов, Волобоев, из которых двое работники районной газеты «Ленинский путь», участники контрреволюционной группы, созданной эсером Горюновым. Организация намеревалась путем создания антисоветских групп на местах, вести контрреволюционную агитацию за роспуск колхозов и переход к индивидуальному землепользованию (СГА КНБ РК, 3: 243).

При этом следует особенно отметить, что, как показали документы, в 1940-е-начале 1950-х гг. в системе органов государственной безопасности продолжалась неконституционная практика фабрикации «антисоветских заговоров», «контрреволюционных организаций» и т.д. К услугам советской карательной системы был отлаженный фальсификаторский аппарат и аппарат контроля: фальсификация индивидуальных и групповых дел; практика репрессий за сфабрикованную «контрреволюцию», антисистемные настроения и поступки; усиление контроля за научной и творческой средой как носителем инакомыслия.

Органы государственной безопасности совершенствовали систему всеобщего учета всех подозрительных. Так, о новых тенденциях в связи с войной со стороны потенциально опасных для тоталитарной системы групп, в частности, «казахских националистов» «использовать военную обстановку для осуществления своих антисоветских замыслов об отделении Казахстана от СССР» отмечалось и в других обзорных документах органов госбезопасности. Наиболее показательны в документах карательных органов следующие факты проявлений «казахского национализма». Режим не допускал малейших проявлений национальных особенностей в жизни, культуре и быте народа. В обзорной справке так говорилось о «казахских националистах»: «Они восстановили связь с бывшими националистами и родственниками репрессированных казахских националистов, с представителями интеллигенции и молодежи. Пробравшись в советский аппарат и культурно-просветительские учреждения, они всячески пропагандировали националистические идеи путем идеализации старого дореволюционного быта казахов, восхваляли ханов, феодалов, тормозили рост подлинно национальной по форме и социалистической по содержанию культуры и искусства» (СГА КНБ РК, 3: 239).

В речи наркома внутренних дел Бабкина на пленуме ЦК КП(б) Казахстана, состоявшемся 21-24 января 1942 г., приводились примеры о результатах работы спецоргана по ликвидации активных антисоветских формирований в Казахстане: в частности, за измену родине было арестовано 242 человека, диверсантов и вредителей – 263 человека, троцкистов – 73, эсеров и меньшевиков – 46, кулаков – 477, белогвардейцев – 182 человека, церковников – 58 человек, бывших людей – 53, мусдуховенства, баев и националистов – 447 человек. Отмечалось также, что среди арестованных за антисоветскую деятельность насчитывается 197 бывших членов и кандидатов партии и 93 человека бывших комсомольцев. В своем большинстве, как

подчеркивал Бабкин, это были «выходцы из социально чуждой среды, обманном путем пролезшие в партию и использовавшие партийный билет и высокое звание члена партии Ленина-Сталина в своих преступных целях» (СГА КНБ РК, 27: 19).

И в послевоенные годы власти не всегда удавалось добиваться полного общественного консенсуса, и распространение инакомыслия в различных слоях общества было одним из реалий послевоенного времени. Изучение архивных документов об общественных настроениях, оппозиционных высказываниях выявляет масштабность и силу внутреннего неприятия рядовых граждан к противоестественным, несправедливым распоряжениям власти.

Одними из причин «негативных проявлений» были «временные трудности» в снабжении населения продовольствием, а также невнимание некоторых руководителей предприятий к нуждам и чаяниям людей. Например, в спецсообщении замминистра МГБ КазССР Сакенова секретарю ЦК КП(б)К Круглову от 12 марта 1947 г. приводились выдержки из писем, пропущенных Военной цензурой, о жалобах семей военнослужащих на тяжелые материально-бытовые условия и невнимательное отношение к ним со стороны отдельных руководителей организаций.

Так, например, Пискун Г.М., проживающий в пос. Ново-Алексеевка Хобдинского района Актюбинской области пишет Пискун И.Г в г. Куйбышев, полевая почта 71635-Б: *«Живем плохо, помощи ниоткуда нет, начали уже пухнуть от голода. Питаемся раз в сутки одной водой, вот и живи, как хочешь. С квартиры нас выгоняют, иди куда хочешь, топки нет, в комнате так холодно, что вода замерзает».*

Божко Ф., проживающая в пос. Родниковка Актюбинской обл. пишет Божко А.М. в полевую почту 15647: *«Болею туберкулезом. Государство никакой помощи не оказывает, только говорят, да многое обещают. Жизнь моя сейчас очень тяжелая».*

Затолокин Н., проживающий в с. Иртышское, Иртышского района Павлодарской области, пишет Затолокину в г. Бобруйск, в полевую почту 36450:

«Одежду достать очень трудно, в магазин возят редко и то под хлебозаготовку. Подходит весна, мне надо на работу, а у меня обуви нет. Вася тоже в школу не ходит из-за того, что не в чем».

Таланов, проживающий в пос. Калинка Введенского района Костанайской области, пишет Таланову в полевую почту 3606: *«Живем сейчас, как жили в 1942 г., хлеба нет ни грамма, так как на трудодни не получили. Картофель погнил, жиров нет. Теперь мы распродали все хозяйство и остались голые и босые»* (СГА КНБ РК, 27: 5).

Затруднения в снабжении населения хлебом, отсутствие основных продуктов питания приводило к росту напряженности в обществе, а иногда и крайним эксцессам, о чем немедленно сигнализировалось министром госбезопасности Казахской ССР Бызовым высшему партийному руководству республики. Так, в его спецсообщении от 13 марта 1947 г. секретарю ЦК КП(б) Казахстана Круглову информировалось о самоубийстве рабочего - фрезеровщика завода «25 лет Казахской ССР» Карабалыкского района Кустанайской области Максименко В.Ф., 1928 г. рождения, который в январе 1947 г. за невыход на работу был осужден Карабалыкским народным судом к 4-м месяцам лишения свободы. На суде свой прогул Максименко мотивировал отсутствием обуви. После суда, уволенный с завода, но находясь на свободе, был лишен хлебного пайка. В результате тяжелого материального положения 25 февраля он повесился [СГА КНБ РК, 62: 241].

В другом спецсообщении министра госбезопасности республики Бызова, адресованном секретарю ЦК КП(б) Казахстана Шаяхметову от 7 марта 1947 г., сообщалось о фактах дистрофии среди населения Чапаевского района Западно-Казахстанской области. Выявлено было значительное количество рабочих, колхозников и служащих и членов их семей с признаками сильного истощения от недоедания. В источнике отмечалось, что проведенным райздравотделом обследованием в районе было зарегистрировано 170 человек с признаками дистрофии. В Чапаевском мясосовхозе установлено 104 человека, из них имели дистрофию 1 степени – 54 человека, второй – 37 и третьей – 13 человек. В райцентре – пос. Чапаево выявлено 45 человек-дистрофиков, из них первой степени – 38 человек, второй – 7 человек. 19 человек с признаками дистрофии выявлено в колхозе «Родник новый». Особенно большое распространение дистрофии наблюдалось среди детей, инвалидов и престарелых граждан. Во время обследования отдельные семьи (Тонкаев, Утарбеков, Ажмуканов, Хайрулина,

Алмагамбетов, Нигманов и др.) заявляли, что вследствие нехватки продуктов питания ими употребляются в пищу мясо павших животных (СГА КНБ РК, 6: 236).

В спецсообщении органа государственной безопасности секретарю ЦК КП(б) Казахстана Шаяхметову от 28 февраля 1948 г. об отрицательных настроениях среди населения в связи с перебоями в торговле хлебом приводились следующие выдержки из высказываний граждан:

Котов – преподаватель пединститута (так в документе: здесь и далее регион проживания не указаны): *«Почему не хватает хлеба – не знаю. Знаю, что спекулянты окрылились. На базаре все стало дороже. Подготовка студентов к занятиям значительно хуже. Это понятно: за хлебом вставали в пять утра».*

Круглова – научный работник музея: *«Раз не могли обеспечить хлебом спустя небольшого промежутка времени после отмены карточек, так уж лучше не отменяли бы их вовсе. Служащие и рабочие не могут стоять в очередях, так как заняты на работе и поэтому должны оставаться без хлеба».*

Ахметова – домохозяйка: *«Почему не обеспечивают хлебом, что я буду теперь делать со своими тремя детьми? Как я буду жить на свете?»*

Заречная – пенсионерка: *«Придется, наверное, мне старухе подыхать с голоду».*

Трофимова Надежда – домохозяйка: *«На трикотажной и швейной фабриках рабочие бросили работу и пошли в очередь за хлебом и так делается на многих предприятиях».*

Купина Ирина – домохозяйка: *«Нужно больше брать хлеба, а вдруг совсем не станут продавать, я теперь буду брать больше и сушить сухари»* (СГА КНБ РК, 4: 77-79).

Следует отметить, что тема послевоенного голода 1946-1949 гг. в Казахстане нуждается в тщательных исследованиях.

...Не только экономические причины были причинами недовольства населения политикой партии и правительства.

Оппозиционность граждан гигантской тоталитарной машине обнаруживали высказывания при выборах в Советы разных уровней. Так, в спецсообщении МГБ КССР секретарю ЦК КП(б)К Шаяхметову об отрицательных проявлениях среди городского и сельского населения КазССР в связи с выборами в Верховный Совет КССР от 12.02.1947 г. информаторами органов госбезопасности зафиксированы следующие отрицательные высказывания:

Рабочий Уральского завода №231 в группе рабочих на замечание одного педагога о единстве избирателей на выборах заявил: *«Ты еще молодой и не знаешь техники подсчета голосов. Сколько бы у нас не голосовало народа, сколько бы не было испорченных бюллетеней – все равно будет 98-99%. Ведь нас с тобой не пустят проверять, а объявят тебе только в газетах и все».*

Галкин, рабочий котельного завода №231 г. Уральска: *«Да что толку от этих выборов? Выбирать – выбираем, а жизнь все хуже. Я не пойду голосовать, а если только заставят, то все равно всех вычеркну».*

Зейлингер, слесарь Актюбинского завода «Большевик»: *«Выдвижения в Верховный Совет Казахской ССР вождя народов и других членов правительства – раньше не было. Это делается для того, чтобы взять в руки казахский народ, ибо они жили до сих пор, как хотели, а теперь по указанию из центра, у них права заберут и сделают то же самое, что на Украине, т.е. они не будут иметь по 5-6 коров и др. скота, заставят работать без отдыха. Они до сих пор пользовались правами, как никто в СССР, а теперь и протестовать не смогут, ибо сами выбирают этих людей и должны подчиняться»* (СГА КНБ РК, 62: 244-246).

Политические настроения и недовольство населения в связи с выборами в местные советы отмечены в спецзаписке УМГБ Кокчетавской области от 17 ноября 1950 г. В ней приведены отрицательные настроения со стороны отдельных лиц, главным образом из числа спецконтингента, состоящего на учете и под надзором органов МГБ. Так, главный бухгалтер Кокчетавского облздравотдела К., 63 лет, ранее проживавший в Польше, а затем сосланный на поселение, опришля Советскую власть и ее избирательную систему, заявляет:

«Установленный порядок выдвижения кандидатов в депутаты «формально демократический», так как фактически полноправно у выборах одна организация – партия. Следовательно, не может быть никакой полной демократии, ни при выставлении кандидатов, ни в самих выборах...».

Адмсылыная К., 1903 г.р., проживающая в с. Подольское Чкаловского района, будучи враждебно настроенной антисоветской личностью, высказывает:

«Такую, когда-то богатую Россию, Советская власть сделала нищей».

Колхозник колхоза имени 17 партсъезда Зерендинского района С., в прошлом бывший в плену в Германии, в разговоре о предстоящих выборах в местные советы, сказал: *«Зачем заранее думать о том, за кого будем голосовать, придет время, узнаем, наше дело проголосовать за тех, кого нам укажут»* (СГА КНБ РК, 69: 170-175).

В спецсообщении органа госбезопасности секретарю ЦК КПК № 453 от 15 января 1947 г. содержатся сигналы об отрицательных проявлениях среди городского и сельского населения СССР, связанных с выборами в Верховный Совет Казахской ССР, как например, высказывание одного агитатора по выборам в Верховный Совет Казахской ССР, беспартийного, инженера М.:

«Меня назначили агитатором. Вот сейчас ходи и доказывай добрым людям, что стенка черная, когда она на самом деле белая. Удивительные все-таки «они» (коммунисты) люди, неужели они думают, что после той экзекуции, которая творится над народом уже 29 лет, кто-нибудь посмеет протестовать против того, что его насильно заставляют делать».

У нас все делается в добровольно-принудительном порядке. <...> Вот и избираем мы тоже добровольно, какой бюллетень дадут в руки, такой, даже не прочитав, с трепетом духовным и опускаешь в ящик, боясь уже голову повернуть, чтобы плохо не подумали по этому поводу. Не понимаю, зачем агитаторам ходить, людей беспокоить, ведь все равно, если дадут бюллетень, то бросим его в ящик».

Переданы и другие «нездоровые высказывания»:

З., главный бухгалтер издательства «Социалистический Казахстан»:

«У нас никакой борьбы за избирателя нет и не может быть. Выдвигают кандидата и за него все голосуют. Нравится вам кандидат или нет, а вы за него будете голосовать, – свободных выборов у нас нет. За вас уже кто-то побеспокоился, кандидатов подобрал, а ваше дело в урну бюллетень опустить»;

К., правщик газеты «Коммунист» Джамбульской области:

«Выборы в Верховный Совет республики – одна комедия. Говорят, что выборы свободные, а попробуй не выбрать того кандидата, который заранее выставлен и выставь свою кандидатуру. Напрасно только бумаги много без толку портят»;

К., заведующий складом, беспартийный:

«В сталинской конституции говорится о свободе слова, печати, собраний и т.д., а попробуйте скажите о неправильном руководстве, законах и политике. Что с вами могут сделать? Также и при выборах в Верховный Совет не имеете права выставлять свою кандидатуру и выбрать себе другое правительство из рабочих и крестьян, которое лучше знает вашу жизнь. Списки кандидатов дают сами коммунисты сверху, а кто будет голосовать против выдвинутых кандидатов – за это ему грозит арест и расстрел. Вот вам какие свобода слова, печати и свободные выборы. Народы стонут от таких законов и руководства и все же говорят, что в России все хорошо. Это говорят из-за страха перед наказаниями и смертью»;

З., разговаривая со своим знакомым о предстоящих выборах, сказал:

«Часть избирателей совсем не знает кандидатов, а голосует лишь бы отбыть повинность. А попробуй не пойдешь на выборы, сейчас же начнут допытываться, как и почему. Не любовь к власти, а боязнь – вот чем объясняется энтузиазм избирателей»;

С., житель г. Кызыл-Орды:

«Подлинной демократии у нас нет. Хочешь, не хочешь – голосуй за кандидатуру, выдвинутую сверху, а попробуй не голосовать, все равно он будет избран» (СГА КНБ РК, 4: 69).

Содержащиеся в этой простонародной критике советской выборной системы сталинского периода идейно-психологические конструкции о трудностях существования в подобном перекошенном мире (как высказывания агитатора «стенка черная, когда она белая» и др.) передают недоверие народа к власти, к коммунистическому строю.

В послевоенные годы особенный социальный феномен представляла молодежь. Поколение, чье детство пришлось на тяжелые военные годы, рано взрослело и отличалось внутренней самостоятельностью, имело свои суждения и взгляд на окружающую

действительность. Организованное, а также индивидуальное сопротивление сталинизму ряда юношей и девушек было одним из проявлений молодежной фронды в послевоенные годы, хотя и не самым распространенным.

Почти сразу же после окончания войны, не находя отклика на свои запросы в формальной атмосфере учебных заведений и в массовых официальных молодежных организациях, учащиеся и студенты стали создавать кружки и группы для целей самообразования и общения по интересам со сверстниками. Как правило, политического направления эти кружки не носили, зачастую приобретая характер игры и дружеского общения. Это были в основном литературные, культурно-просветительские кружки.

Но молодежь всегда потенциально представляла «группу риска» для системы и привлекала к себе повышенное внимание различных идеологических и подчиненных им инстанций – от партийных и комсомольских органов до школьной, вузовской администрации. Свой постоянный контроль над умонастроениями молодежи власть старалась не афишировать. Поэтому для многих судьба участников антисталинских молодежных групп оставалась неизвестной, так же как и само существование этих групп. Между тем как последнее подтверждается рядом вновь выявляемых источников спецоргана. К тому же ряд групп и организаций имел довольно длительную историю и этапы в своем развитии, чему посвящены ряд исследований (статей и монографий) автора. Так, например, в 1951 году в Казахстане были привлечены к уголовной ответственности участники националистической группировки «ЕСЕП» (Елін сүйетін ерлер партиясы – Партия героев, любящих Родину), истоки которой начинаются с 1940 г. В документах спецоргана отмечается, что «в Алма-Ате Исаков Б., Нарешев А., Нарешев Р., Темиров М. и др. (всего 7 человек) обрабатывали молодежь в националистическом духе, восхваляли и идеализировали байских авторитетов, в извращенной форме истолковывали национальную политику Советского государства. Название группы «ЕСЕП» было дано такое же, какое имела группа Жаксылыкова и его связей, арестованных во время войны в Карагандинской области, где в 1940-1942 гг. учились в Карагандинском университете Б. Исаков и М. Темиров». Братья Нарешевы, уроженцы Кзылкогинского района Гурьевской области, были взяты под арест в 1950 г., будучи студентами Алма-Атинского института иностранных языков (СГА КНБ РК, 1: 236).

Сталинский режим эффективно использовал различные механизмы воздействия на сознание граждан – от пропаганды до политических репрессий. Режим проводил линию по усилению идеологического контроля, государственного надзора и ужесточению цензуры. Чисто научным дискуссиям также придавался политический характер, что является предметом отдельного рассмотрения.

Но советское общество не было «молчаливым», абсолютно «верноподданным». В палитре общественных идей и взглядов были различимы ожидания либеральной трансформации режима. Частичная либерализация внутренней жизни в Советском Союзе при Н.С. Хрущеве, смягчение внутривнутриполитического курса после XX съезда партии, состоявшегося в 1956 г., оставило серьезный след в национальной жизни СССР. В хрущевский период кризисные явления в экономике, в социальных отношениях, в том числе межнациональных отношениях, в культуре, в международном положении советского государства еще только начинали обозначаться. Система сохраняла колоссальный запас прочности.

Большое влияние на оппозиционные умонастроения в обществе и усиление непредсказуемой гражданской активности в СССР оказали события в Польше и Венгрии осенью 1956 г. Потом, в исторической перспективе, они названы были освободительной борьбой 1956 г., когда участвовавшая в выступлениях интеллигенция и молодежь всего социалистического лагеря протестовала против сталинской модели социализма. При Хрущеве советские танки задавили восстание в Венгрии, бурлила готовая взорваться Польша, во всех социалистических странах прокатился вал антикоммунистических выступлений. Общественное, особенно студенческое, брожение в Советском Союзе, в поддержку венгерских и польских студентов было частью широкой антикоммунистической борьбы. С этими событиями связывают процесс радикализации взглядов молодежи. Часть молодежи даже была склонна рассматривать венгерские события как образец для подражания, руководство к действию.

Те события были ранними, «подземными» толчками антикоммунистической революции, хотя и слабыми, но показательными, как симптомы общественного кризиса, который

тоталитарная система стала обнаруживать уже в ту пору. Хрущевская критика сталинского режима была осторожной, дозированной, сосредоточенной преимущественно на самом диктаторе и его ближайших сподвижниках, и сочеталась с охранительством по отношению к устоям режима. Но критические умонастроения в обществе уже тогда шли намного дальше той черты, на которой партийное руководство хотело бы их остановить и сдержать. Находясь под сильным впечатлением от них, советское руководство предприняло меры по усилению «политической бдительности» внутри страны.

События в Польше и Венгрии вызвали настоящие всплески общественного оживления, возросшего самосознания, выражения гражданских чувств. Направленные на свержение просталинских коммунистических режимов, массовые выступления во многом были близки и разделялись оппозиционной советскому режиму частью общественности.

КГБ республики докладывал в спецсообщении секретарю ЦК КП Казахстана № 165-96 от 3 ноября 1956 г. о настроениях среди отдельных слоев населения в связи с событиями в Польше, Венгрии:

Студент Н.:

«Волнения студентов в Будапеште являются результатом плохого благосостояния народа. Там в Венгрии студенты привыкли жить свободно, поэтому чуть их прижали, они и поднялись. А у нас не так устроено, что ни пикнуть, ни вздохнуть».

Касаясь сообщения «Би-Би-Си», студент заметил, что *«у нас пропаганда скрывает правду от народа».*

Студент 3 курса физматфакультета КазГУ:

«Студенты всех стран мира представляют активную политическую силу. В Венгрии студенты с оружием в руках выступили против бюрократии, а мы с вами не можем поднять свою политическую активность».

Рабочий М.:

«В Венгрии восстала не какая-либо контрреволюционная группа, а восстал рабочий класс и венгерская армия, в связи с чем подавление этого восстания при помощи Советской Армии политически невыгодно для Советского Союза, т.к. это является вмешательством в международные дела самих венгров».

Старший инженер Алма-Атинской горбольницы:

«В Венгрии не будет наведен порядок, ибо их поддерживают Америка и Англия, которые в мировой политике играют основную роль. Это есть начало того, что коммунистическая система лопнет, так как наша теория не жизненна. У нас тоже не все довольны политикой нашего правительства».

Другие высказывания:

«У нас, в Советском Союзе, были и остаются сильные притеснения трудящихся и значительно легче было бы для народа при наличии в нашей стране нескольких партий»;

«Русские везде хотят социализм, везде хотят распустить свои корни, а венграм, видимо, не по душе, вот и поднялись»;

«Венгры были недовольны всеми порядками, которые, безусловно, проводило венгерское правительство под нашим диктатом. Россия при царском режиме была жандармом Европы, а мы хотим быть им во всем мире»;

«Если восстание в Венгрии будет подавлено, то все равно оно будет иметь большое моральное значение. Во всех демократических странах в народе существуют такие же настроения, как и в Венгрии, но только до поры до времени народ терпит»;

«Это то же самое, что и здесь. Вы видите, как здесь рабочие относятся к материалам и вообще к труду. Все это надо рассматривать, как немое сопротивление против существующей власти»;

«Неблагоприятно у нас и с демократий. Пора кончать с системой «механического» голосования на выборах в Советы за одного единственного кандидата»;

«Венгерские события – это результат глубокого недовольства народных масс, на которые чересчур крепко нажали, требуя чрезмерных жертв во имя индустриализации. У нас положение тоже не весьма важное. Достаточно серьезных мер к улучшению материального положения народа не принимается, да их и нельзя принять, пока все силы ухлопывают только на тяжелую индустрию. Это неверно»;

«Главные причины событий в Венгрии – наши ошибки, шаблон, с каким мы подходим к другим странам, навязывая им политику, которая во всем должна подражать политике внутри СССР, при этом забывая ленинские указания о недопустимости шаблонного подхода, об обязательности внимательного учета национальных особенностей каждой страны, каждого народа» (СГА КНБ РК, 1: 408-419).

Результаты исследования.

Таким образом, на основании изложенного, можно сделать следующие выводы. Великая Отечественная война, внеся коррективы в жизнь советского государства и общества, оказала существенное влияние на развитие общественного сознания. Начало войны выявило острую необходимость внутренней консолидации и мобилизации общества. Население всей советской страны от взрослых до детей, охваченное единым патриотическим порывом, трудясь на заводах и предприятиях, в колхозах, делало все для достижения победы над врагом.

Вместе с тем во время войны привычные основы общественного сознания населения подверглись серьезному психологическому давлению, как со стороны противника, так и со стороны советских органов пропаганды. В обществе возникло своего рода раздвоение массового сознания: официальные призывы и лозунги порой не совпадали с психологическим настроением людей, что и показал приведенный анализ общественных мнений и настроений в народе.

Послевоенное советское общество также представляло сложный социально-психологический феномен. Сравнение иных образцов жизни с ситуацией внутри страны было не в пользу последней, что формировало критическое отношение к внутренним порядкам.

Период так называемой «оттепели» традиционно ассоциируется со временем перемен. Вместе с тем для этого периода характерны прерывистость и незавершенность процесса начатых тогда преобразований. Это в полной мере относится и к сфере отношений между союзным центром и национальными регионами. Несмотря на расширение самостоятельности региональных структур, принципиальных изменений в системе «центр–регионы» не произошло, поскольку такого намерения у центральной власти не существовало.

В первые годы «хрущевской оттепели» национальная политика руководства СССР привела к некоторому ослаблению диктата центра над республиками. В ряде законов и актов 1957 года права союзных республик были значительно расширены. Однако суверенитет республики в целом оставался фиктивным. В рамках СССР он имел черты псевдо-, или квазигосударственности. В то же время протест против политической опеки центра нарастал со стороны партийных лидеров коренной национальности. Этот протест выражался в требованиях больших прав региональным лидерам национальных республик, больших инвестиций в собственную республику, против непрекращающегося притока русских в республику, против тенденции к языковой русификации.

Казахстан, как и весь юго-восток СССР, по-прежнему рассматривался как вспомогательная база по обеспечению центра промышленным и сельскохозяйственным сырьем. За период правления Хрущева поменялось шесть первых секретарей ЦК Компартии Казахстана.

Незыблемыми в деятельности КПСС оставались командно-административные методы и практика однонаправленных сверху вниз декретов и распоряжений, требовавших безусловной подчиненности нижестоящих звеньев. Политическая система в целом оставалась по-прежнему консервативной, не терпящей инакомыслия.

Сильное воздействие на рост неконформизма в советском обществе оказывали непоследовательность и противоречивость процесса либерализации, разница в понимании обществом и руководством страны причин и пределов отхода от прежней модели управления.

Идущие из 30-40-х гг. административно-командные отношения центра с республиками, характерные в целом для всего хрущевского периода, привели к образованию в республике скрытой оппозиции советскому режиму в лице национальной интеллигенции и кадровых партийных и советских работников.

Расширению прав союзных республик в экономической и правовой областях, реабилитации репрессированных народов после смерти Сталина сопутствовало в то же время игнорирование обострившихся национальных и межнациональных проблем, волюнтаристскими решениями вопросов о территориях при восстановлении национальных автономий,

сохранением курса на изживание «национализма», утверждением теории о «расцвете и сближении наций».

Потенциал духовного обновления общества не был реализован полностью. Масштабные общественно-политические и духовные преобразования были заданы и контролировались сверху и исходили из интересов стабильности существующей административно-командной системы. Сменились лозунги, но не методы. Сознательно дискредитировалась режимом научная и творческая деятельность национальной интеллигенции. Лучшие представители казахской интеллигенции находились под пристальным вниманием партийных органов. Но идейно-духовное сопротивление режиму продолжалось.

Благодарность. Статья выполнена в рамках реализации проекта OR11465470 «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20-50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных» Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы и источников:

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 - 1953 гг. - М.: РОССПЭН, 1999. – С. 5.

Кыдыралина Ж.У. Нация и история. – Астана: Ел Орда, 2008. – С. 134, 135.

Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ РК). Ф.9. Оп. 1. Арх. № 3. Л. 238-243.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 4. Арх. № 1. Л. 226-236.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 27. Л.5-19.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 62. Л. 244-246.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 69. Л. 170-175.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 5. Арх. № 4. Л. 69-75.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 28. Арх. № 1. Л. 408-419.

References

Zubkova E.U. Poslevoennoe sovetskoe obshestvo: politica i povsednevnost. 1945-1953 gg. [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945 - 1953] – M.: ROSSPEN, 1999. – P. 5 [in Russian].

Kydyralina Zh.U. Nastia i istoria [Nation and history]. – Astana: El Orda, 2008. – P. 134, 135 [in Russian].

Special state archive of the Committee of National Security of Republic of Kazakhstan (SSA CNS RK). F.9. Inv.1. Arh. №3. L.238-243.

SSA CNS RK. F. 9. In. 1. Arh. № 1. L. 226-236.

SSA CNS RK. F. 9. In. 1. Arh. № 27. L.5-19.

SSA CNS RK. F. 9. In. 1. Arh. № 62. L. 244-246.

SSA CNS RK. F. 9. In. 1. Arh. № 69. L. 170-175.

SSA CNS RK. F. 9. In. 5. Arh. № 4. L. 69-75.

SSA CNS RK. F. 9. In. 28. Arh. № 1. L. 408-419.